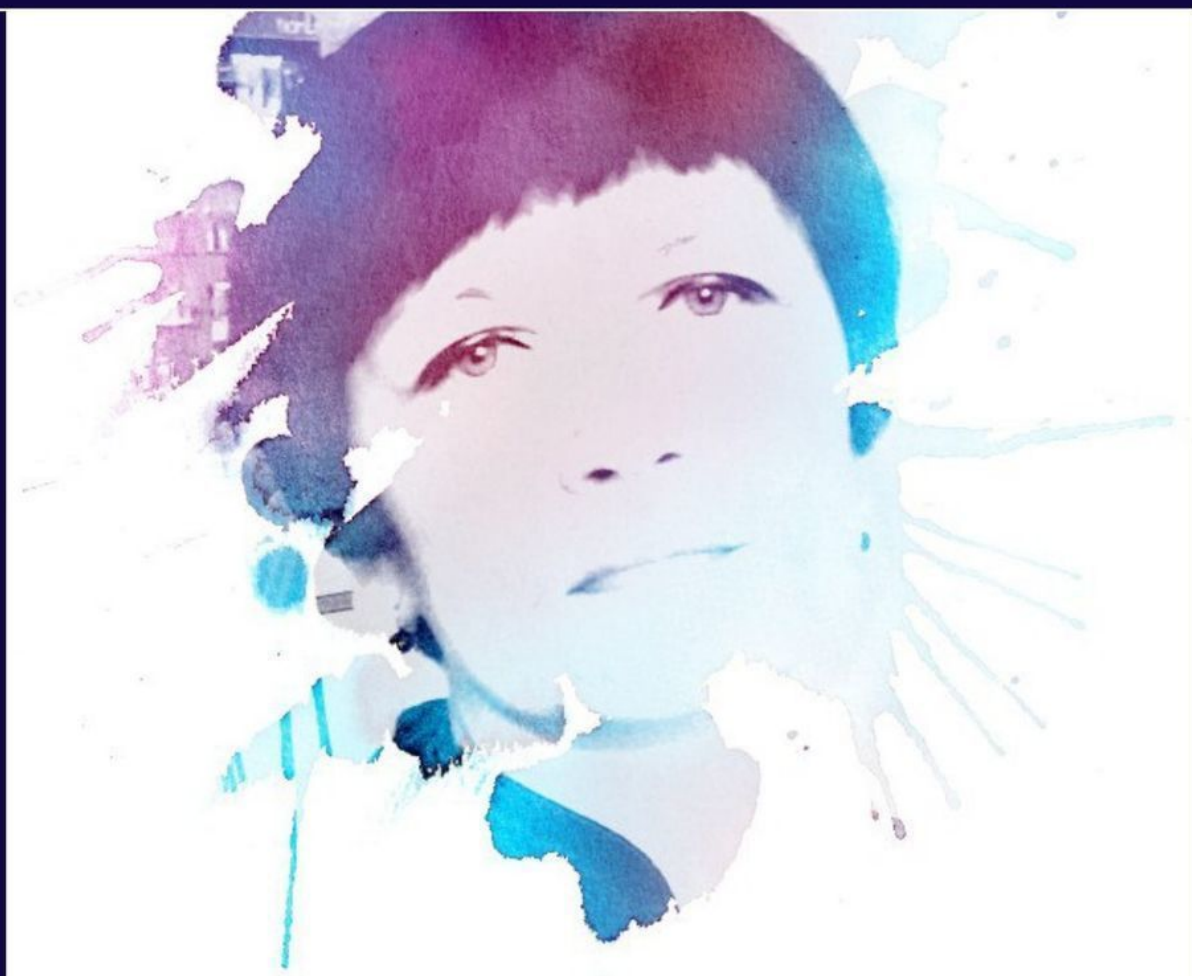

Наталья Самойленко

*Давай
пошепчемся...*

Разговор с другом

Наталья Самойленко

Давай пошепчемся...

Разговор с другом

«Издательские решения»

Самойленко Н.

Давай пошепчемся... Разговор с другом / Н. Самойленко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900057-6

Ну давай, расскажи мне про осень. Какая она у тебя в душе? Мне очень интересно, как она помогает тебе создавать твою поэзию, рисует в твоём сознании буквы, которые затем складываются в слова, которые, в свою очередь, объединяются в предложения? Так рождается магия — магия твоего слова — грациозная и нежная, как и ты? Чувствовать эту твою магию, раствориться в ней, осязать её на уровне инстинктов и становиться с ней одним целым, что может быть лучше?

ISBN 978-5-44-900057-6

© Самойленко Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Ты спрашивал меня, какая осень...	7
Театр немаленьких трагедий	8
Клюква	9
Кошка-зима	10
Опавшие письма	11
Осенью спать неуютно...	12
Остынут звуки...	13
Я – зацелована зимой	14
Костром горят берёзы на восходе...	15
Лето было недолгим...	16
Читаю письмо...	17
И впусти свою нежность в мои чёрно-белые сны	18
Горы	19
Запахи любимого города...	20
Романсы	21
Шагает в год неделя за неделей...	22
А руки мои...	23
Летний вечер...	24
Август плавно скользил в сентябрь...	25
Что будет завтра...	26
Гравюры зимы	27
Лампочка	28
Всё это было с нами	29
Прикосновение	30
Ком	31
Я снова перелистываю вечер...	32
Скребётся тишина в окошко ночи...	33
Морщины	34
В созвездиях вечерних городов...	35
Холодных слов седые облака	36
Перетекают звуки в чашу сердца...	37
Я пью из чаши осени...	38
Искал седой художник красоту...	39
Ты знаешь, сынок, что у мамы на сердце осень...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Давай пошепчемся... Разговор с другом

Наталья Самойленко

© Наталья Самойленко, 2018

ISBN 978-5-4490-0057-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ автора

«Что может быть лучше, чем строки, написанные от сердца...»

Ни один критик не сможет уловить поэта так, как искренний читатель, ничего не просящий взамен».

Н. Самойленко

Об авторе:

«Давай пошепчемся...»

Расскажи мне, какая осень там, у вас в городе, жёлтая или красная, мягкая или тяжёлая? Расскажи мне, какой ты её видишь, чувствуешь, какую ты её любишь? Мне интересно буквально всё, что с тобой связано. Я хочу знать, как ты с ней просыпаешься, как проводишь свой день, и как ты готовишься ко сну? А ещё я хочу читать твои стихи. Всегда. Везде. Я хочу окунуться в них с головой, барахтаясь в них и захлёбываясь ими. Я так одержим этим, что перестал писать свои. Во всём мире не существует ничего кроме твоих стихов. Они влетают в моё окно, рано утром вместе с рваными хлопьями вязкого тумана, с опавшими листьями, неся в себе запах прелого мха и прогорклого дыма. Здесь, в маленькой кухонке, они кружатся вокруг меня, берут мои запястья, гладят мои волосы, обволакивают. Я закрываю глаза и вижу тебя, гуляющей по набережной. Вижу, как ты подставляешь своё лицо под потоки холодного осеннего ветра, стараясь поймать каждое дуновение.

Расскажи мне про осень. Какая она в твоей квартире – уютная домашняя или же наоборот гуляющая уличная? Как она уживается с твоей кошкой, и, самое главное, с тобой? Как она ходит утром возле тебя на цыпочках, пока ты спишь, и как варит тебе кофе после пробуждения? А потом долго сидит с тобой у окна, смотрит на дождь и слушает, слушает, слушает...

Ну, давай, расскажи мне про осень. Какая она у тебя в душе? Мне очень интересно, как она помогает тебе создавать твою поэзию, рисует в твоём сознании буквы, которые затем складываются в слова, которые в свою очередь объединяются в предложения? Методом проб и ошибок они меняются местами, производя ритм и выводя рифму. Так рождается магия. Магия твоего слова – грациозная и нежная, как и ты. Чувствовать эту твою магию, раствориться в ней, осязать её на уровне инстинктов и становиться с ней одним целым, что может быть лучше? Разве что слушать твои стихи в твоём исполнении...»

ВАЛЕРИЙ РУБЦОВ

(поэт, п. Федотово, Вологодская область)

В издании книги приняли участие спонсоры: Силинский В. П.

Шульга Г. П.

Томсинский Я. А.

Ты спрашивал меня, какая осень...

Ты спрашивал меня, какая осень
В моей квартире бродит по утрам?
Она прекрасна, варит вкусный кофе
И пишет строчки первые к стихам.
С ней ароматы мха, опавших листьев
Приходят в дом. Кружится горький дым
Сгоревших в кучах прели жёлтых писем
С туманом рваным, вязким и седым.
С ней у окна сидим – болтаем, плачем,
Ругаемся, грустим, всё как у всех.
Я ей прощаю множество чудачеств
И слушаю с улыбкой хриплый смех.
Она, наверно, курит, я не знаю,
Но ощущаю запах сигарет.
Она то вся горит, то ледяная,
То подойдет, шепнёт: «Тебе привет!»
Спрошу я: «От кого?», – мигнёт шальная,
Сияет взгляд (никто не устоит).
В минуты эти сердце тает, тает.
Смотрю в её глаза, глаза – твои.

Театр немаленьких трагедий

Разбились окна в луже сапогом
Прохожего, спешащего куда-то.
Шагаю вслед под радужным зонтом
По липкой жиже цвета шоколада.
На улице мигают фонари —
Гигантские гирлянды городские.
А может – водяные пузыри
Огромные, тугие, дождевые?
Иду. Играет лентами афиш
Порывистый ноябрьский шальный ветер.
Шуршит листвой последней осень-мышь,
Обрывками газет и старых сплетен.
Там, за спиной, за серой пеленой
Остался дом, где ты меня не встретил.
Где наша жизнь – театр, театр пустой —
Отыгранных немаленьких трагедий.

Клюква

Клюквы спелой бусины кровавые —
Босоногой осени следы;
Северные поздние цветы;
Каждый шарик, снежною оправою
Превращенный в сказочный рубин
Крохотный, пылающий, бесценный;
Капельки морозного варенья
с ароматом сладко-терпких вин;
Трав озябших вздувшиеся вены;
Губ осколки в трещинках морщин...

Кошка-зима

Пушистая кошка-зима на серебряных лапках
Шагала по тропкам, стирая следы ноября.
Укрыла осеннюю хмарь на застылых дворах.
Накинула белую шаль на поникшие тряпки
Листвы, что осталась на ветках (ржавеющий хлам).
Присыпала снегом травы грязно-серой останки.
Потом прекратила колючих ветров перебранку.
Морозом чуть-чуть припустив тишину по ночам...
Погладила нежно рукою пушистую спинку,
Шепнула ей: «Здравствуй, смелееходи на постой».
Позёмка скользнула по шерсти холодной, седой,
И с неба в ладони мои полетели снежинки.

Опавшие письма

Точно узоры скупые – неровные строки:
«Ах, я скучаю, мой милый»...и капают слёзы.
«Лето ждала, воздух сделался густ и морозен.
Видно опять разошлись и пути, и дороги.
Я не ропщу и не плачу – всё дождик-гуляка:
То разойдётся до ливня, то липкая морось.
Жду и надеюсь, надеюсь, что встретимся скоро.
Знаешь, и мне надоела душевная слякоть».
Чёрное небо, луна за окошком повисла.
В жёлтых огнях фонарей то стихами, то в прозе
Пишет в ночи о любви одинокая осень.
Ветер бросает прохожим опавшие письма.

Осенью спать неуютно...

Осенью спать неуютно в постели остылой.
Рваной листвы одеяло укутало сквер.
Грязными пятнами в редкой гниющей траве
Преет земля под опалью пелёсой. Уныло.
Дождь притащился, стучит и скребётся в окошко.
Серое небо вливается в серый асфальт.
Осень, накинув на плечи коричную шаль,
Тенью скользит по дворам точно рыжая кошка.
Трётся о ноги, царапает северным ветром,
Пьёт по утрам серебристо-молочный туман.
Ластится, глядя в глаза, только это обман.
Осень, октябрь, далеко до горячего лета.

Я в этом городе чужая.
Я мотылёк среди зимы.
Фонарь, горящий в зоне тьмы.
Я рельсы там, где нет трамвая.
Я не живу, не умираю.
Во мне пустые провода
И бесконечная среда,
Или метель в начале мая...
Я в этом городе чужая.
Я... а когда-то были – мы...

Остынут звуки...

Остынут звуки, ржавь покроет слово,
Истлеют строки. Мысленный комок
Запрёт поэт однажды на замок.
Не станет песен горьких и медовых,
А нежность, под плащом своим холщовым,
Запрячет так, чтобы никто не смог,
Ни бросить в печь сомнений бестолковых,
Ни высмеять душевный монолог,
Ни упрекнуть, что слишком дерзок слог,
Чтоб отвести безжалостный курок
И уберечь от жадных нудных скряг —
Людей, что продаются за потёртый
пятак.

Я – зацелована зимой

Снежинки поцелуй игривый
Скатился талою водой.
Летят, летят, ловлю рукой.
Сменился серый день дождливый
Снегопадением. Домой
Спешит прохожий суетливо,
Машины тащатся лениво,
Грязь превращается в подливу,
Деревья – с белой бородой,
А, может, кони с белой гривой?
И воздух чистый и густой...
Стою, дышу неторопливо,
Я – зацелована зимой.

Костром горят берёзы на восходе...

Костром горят берёзы на восходе
Рыжеет тополь, жжёт рябины цвет.
Идёт октябрь, одетый не по моде —
В седой туман и розовый рассвет.
В ботинках – ворох листьев. Белый иней,
Как первые следы лихой зимы.
Небесный плащ тончайший – синий-синий! —
С декором из малиновой тесьмы.
Мы встретились случайно. «Ты не осень?» —
Спросил он и дыханием обжг.
Ответила: «Нет-нет», а он серьёзен.
Твердил мне, что от страсти занемог,
Что помнит горечь нежных поцелуев,
Рябиновые бусы, дождь волос,
Что никогда он не любил другую,
И без неё сместилась жизни ось...
Я поправляю прядь его седую
И не могу сдержать горячих слёз.

В пустынном парке под листья парчовым пологом
Бродила я, укрыта вязкой тишиной,
А разноцветья карусель кружила голову,
И небо в лужах волновалось подо мной.
Стонала старая скамья – «скрип-скрип» – застенчиво.
От ветра может быть, а может помня что:
Сидели мы на ней осенним долгим вечером,
Дыханьем руки согревал, потом... потом
Сказал, что «тропки жизни слишком переменчивы,
Судьба моя, увы, расходится с твоей,
Что есть другая – та, с которой вы повенчаны...»
А ветер бил в лицо – не плачь и не жалея...
Так много лет прошло, и ты и я – не молоды,
Но встречи жду в дожди и в жуткую метель.
Хочу, хочу, чтобы опять вскружила голову
В листе цветной любви шальная карусель.

Лето было недолгим...

Лето было недолгим. Прошло, ускользнуло, исчезло...
Натянув мне на хрупкие плечи сукно пиджака,
Осень с лёгкой улыбкой коснулась седого виска
И раскинула в небе холодном пригоршни созвездий.
С благодарностью я принимаю такую заботу:
Наливаю ей кофе с ликёром и кутаю в плед.
Зажигаю камин, с табаком раскрывая кисет.
А она: «Не курю! Поболтаем? Разгоним дремоту?»
Шелестели слова то листвою, то дождём за окошком.
Незаметно уснули в напевах печальных ветров
Я и осень, и город, и строки скупые стихов
Под расшитой туманами утренней мягкой рогожкой.

Читаю письмо...

Читаю письмо, а пальцы вырастают в строчки.
Свеча на столе и мятою пахнет чай.
Во тьме расплескали тучи тоску-печаль.
Роняю слезу, но время пришло «сорочье»,
О чём-то полночи поленья в печи трещат.

Читаю письмо, а листья срывает ветер.
Стучится в окно, шипит: «Никого не жаль».
Закованы плечи холодом, вмёрзли в фальшь.
Склонили деревья ветви, чернеют плети.
Горчит в шоколадной глазури сырой миндаль.

Читаю письмо и знаю – года не лечат.
Там, в строках чужих, – обиды моей февраль.

И впусти свою нежность в мои чёрно-белые сны

Вереницы огней... Точно бусы на ниточках тонких,
По асфальту рассыпались в каплях дождя фонари.
Силуэты домов отражаются в лужах,
заденешь легонько,
Каблуком прочеркнёшь – исчезает картина. Замри!
На минуту замедли шаги, я прошу – на минуту.
Под зонтами прохожих, за спинами серых пальто
Отыщи меня, слышишь, в сентябрьском
вечернем этюде!
Только ты это сможешь, а больше не сможет никто...
А потом проводи, прикасаясь волнующим взглядом,
Обнимая прохладой ветра, круженьем листвы.
В этом городе в это мгновение будь со мной рядом
И впусти свою нежность в мои чёрно-белые сны.

Горы

Зацепившись животами за туманный свод небесный,
Отдыхают с облаками горы в снежных покрывалах.
В складках мантий черных склонов
свищет, воет шквальный ветер.
Он пытается забраться под подошвы кружевные,
Чтоб сорвать сандалии леса
с крепкой каменной подошвы
Или в танце закружиться с дождевыми мотыльками.
Те из туч летят клокастых на распаренную землю
После летних жарких ливней,
чтобы дымкой серой, волглой
По утру подняться в горы, что лежат, за небо крепко
Уцепившись животами...

Запахи любимого города...

Запахи любимого города —
Пирожных, велосипедных покрышек,
Сырых парашютов, еловых шишек,
С патокой медового солода;
Пульсация узеньких улочек
С мокрым постельным бельём на верёвке,
Заквашенная капуста в кладовке,
Нежность тёплых румяных булочек;
Лужи с кораблями бумажными —
Нотки лета на тенистых аллеях;
Жасмина с хмелем седые метели
С послевкусиями грильяжными...
Запахи любимого города —
Чердаки да ржавость железной крыши.
Утром на листьях горечь холода —
Осени ранней дождливой рыжей.

Романсы

Ветер перебирал струны моей гитары.
Вместе играли мы старый простой романс.
Белых акаций плен в лунном златом сиянье,
Тонкой рябины стан, листьев кленовых рябь.
Нежность напрасных слов, плета тепло и ласка.
Томно мурлычет кот: «Только не уходи»
Гулкая рань весны с дымом цветущих яблонь,
Встреча (она лишь раз), где разорвали нить.
Что нам отрада, что? Лить с упоеньем слёзы?
Яркой звездой гореть прошлых минувших дней?
Ветер купал меня в медленном переборе,
Тихо жужжал в струне добрый мохнатый шмель.

Шагает в год неделя за неделей...

Шагает в год неделя за неделей.
Вот осень, чиркнув спичкой золотой,
Зажгла листву на дремлющих аллеях,
И хлынул воздух сочный и густой
На улицы и скверы городские,
Укутал пеленой речную гладь,
И заплясали капли дождевые,
Чтоб лужи на земле нарисовать.
За днями дни, и слякотная осень
Привычно растворится в полусне.
Застынет мир в крещенские морозы,
Чтобы оттаять в сретенье к весне.
Потом опять расплавленное лето
Потянет вечера в неделю, в год...
Истлеет позабытой сигаретой...
И осень пепел в зиму унесёт.

А руки мои...

Руки мои – крылья птиц в перелётных стаях —
Машут, машут, но только давно устали.
Иногда кажется – они из холодной стали —
Руки, что когда-то тебя обнимали,
Руки, что росу собирали в цветущем мае,
А сейчас вбивают крепёжные сваи,
Чтобы хоть как-то дом, построенный нами, держали.
Знаешь, я обойдусь на земле без рая,
Лишь бы руки мои в ладонях твоих лежали...

Летний вечер...

Летний вечер.
В речке отражаются
Маковки соборов и церквей.
Солнышко – цветущая азалия,
Алое, но воздух всё нежней,
И, как будто, даже легче дышится —
Спрятался в прохладу жаркий день.
Медленно иду, вбивая шпильками
Серую распластанную тень.
Ветер озорной швыряет под ноги
Ржавчину шуршащую листвы.
Облака по небу одинокие —
Паруса безбрежной синевы...
Август, обнимая плечи ласково,
Шепчет, что для грусти нет причин.
Речь его прерывистая, вязкая,
Будоражит пламенными сказками,
Доставая сердце из руин...

Август плавно скользил в сентябрь...

Август плавно скользил в сентябрь,
На желтеющих тонких листьях
Унося красоту зари
да волнующий шелест слов.
И гуляла по небу рябь —
Ветер вновь перепутал кисти —
Акварель облаков с дождём
поместил на лазурный холст.
Из туманов густых седых —
Волоконце за волоконцем —
Осень быстро вязала шаль
с серебристой каймой росы.
В сарафане цветном льняном
Да сверкающим веретёнцем
Лето радугу заплело
после бурной ночной грозы...
Всё смешалось. Уходят дни,
А навстречу бегут другие.
Скоро встретится мой сентябрь
с августовским твоим теплом.
Не вини себя, не казни —
Обметал наши чувства иней.
Или дымом они плывут
над осенним большим костром?

Что будет завтра...

Что будет завтра? Нежный поцелуй.
Прощальный или дружеский – неважно.
Полчашки кофе, холод острых струй,
Кот под ногами наглый и вальяжный.
Галеты пересушены слегка
И масло на полу (опять упало),
И на столе от кружек два следа,
И лязг дверей соседских из металла.
Обрывки слов и терпкий аромат
(Плохого) твоего одеколона,
И слипшийся молочный шоколад,
А может горький? Горечь мне знакома...
Уходишь? Хорошо. Ключи в замке.
(И каждый день всё повторится снова).
Что будет завтра? Нет! Молчи, не смей.
Ты знаешь, «завтра» – это просто повод.

Гравюры зимы

Волшебный «воздух белого листа» —
Штрихи и пятна, сотни тонких линий.
Гравюра на нетронутых холстах?
Кто тот гравёр, что цветом тёмно-синим,
Так расписал причудливую гладь
Снегов, укрывших землю? Чудо? Чудо!
И как мгновенье это удержать,
Остановить хотя бы на минуту?
Щелчок, застыли в вечности штрихи,
Неровность пятен, параллельность линий...
С губ сорвались снежинками стихи
И в каждом слове «синий-синий иней».

Лампочка

Лампочка грустит под потолком
в доме обветшалом, позабытом,
вспоминая: старый абажур;
стол с тяжёлой скатертью-хламидой;
скрип кровати в сумраке ночном;
старый лифт, грохочущий устало;
топот каблуков, трамвайный гул,
кипяток горячий самовара;
запах нафталина в сундуке,
метки на дверях – «растёт сыночек»,
женщину в платке и то письмо,
с адресом размытым и не точным;
крик и плач; в разбавленном вине,
капельки солёные от горя,
речи, а в углу (всё как в кино)
почему-то лопнули обои?
Годы пролетели за окном.
Дом на снос, как будто не бывало.
Лампочка грустит под потолком
В чёрном ободочке от нагара.

Всё это было с нами

Струится вечер дымкой у забора,
Небесный плащ – в огнях дрожащих звёзд.
Я возвращусь, быть может, но не скоро,
На позабытый временем утёс,
Где нас когда-то кутал шалью ветер,
Теснился сосен величавый хор,
Где в кофточке прозрачной из жоржета
Замерзла я, а ты разжёл костёр.
У пламени согрелась? Поцелуем?
Не помню, столько лет прошло. Скажи,
Там до сих пор медовый стонет вереск?
Не отвечай, не нужно, не спеши.
Пусть будет так, как сохранила память —
Бор, тишина, туманной дымки плен...
Всё это было с нами, с нами – снами...
Не заменить ничем, ничем, ничем...

Прикосновение

Глоток терзающей вины
Со дна глубокого бокала
Скользил по нёбу. Я шептала,
Что быть мы вместе не вольны,
А отражение луны
В глазах твоих любовь искало.
Прикосновение – так мало
И всё же – нет ему цены...

Я плачу, потому что я жива.
На нерве балансирую, на нерве.
Кручусь, кручусь – сплошная кутерьма,
Как будто восемь дней в моей неделе.
Я плачу от того, что не могу
Ходить в толпе, где траурность сатиры,
Где не хватает нескольких минут,
На «просто жить» без маски и мундира.
Я плачу, слёзы – горькая полынь.
Но знаю, что не может быть иначе...
Сбивают капли едкой злобы пыль.
И потому я плачу, плачу, плачу.

Ком

Запрягу лохматый ветер в сани робкого рассвета,
Облаков едва касаясь, поскачу за горизонт
Над лугами, что оделись в платья радужного цвета,
И над озером, где синий лоскут неба отражён.
Под копытами оставлю полотно ржаного поля,
Перекрёстки, перелески, деревеньку у реки,
Где у старого колодца ждут чего-то, балаболя,
Незнакомые старухи и седые старики.
А потом всё дальше, дальше – за пустынные овраги,
За брусничные болота, в милый сердцу отчий дом...
Просыпаюсь. Стало жутко. Город, пробки, колымаги,
И скатался в горле горький, тошнотворный, вязкий ком.

Я снова перелистываю вечер...

Я снова перелистываю вечер.
Сочится с губ то гнев, то горечь слов.
Всё говорил, и крыть мне было нечем —
Не развязать затянутых узлов.
Дешёвые дымили сигареты.
Свеча роняла отблеск на окно.
Твердил, что наши чувства перегреты,
Терпеть нет сил, стараешься ты, но
Не можешь больше. Жажда поцелуев
Сменилась кислым привкусом вины.
Мы – айсберги и в вечности дрейфуем.
Нас настоящих нет – мы не видны.
Я что-то отвечала, что – не помню.
Рыдало небо, слыша сердца плач.
Бродил во тьме огромных серых комнат
Любви моей безжалостный палач.

Скребётся тишина в окошко ночи...

Скребётся тишина в окошко ночи:
«Впусти,пусти, прошу, поговорим.
С тобой нам вряд ли будет одиноче,
Чем друг без друга... Снимем яркий грим,
Что днём лицо спасает от ненастий,
Скрывая паутину из морщин.
Потом заварим чай, достанем сласти
И станем улыбаться без причин...
Прочтём все-все любовные романы
И помечтаем вместе о морях.
Да что моря, о теплых океанах.
Ты будешь капитаном корабля...»
В ответ шепчу: «Давай без выкрутасов.
Ныряй под плед на облако перин,
И нам сыграет месяц седовласый
Весёлый джаз-регтайм и нежный сплин».

Морщины

Она идёт, морщины на лице,
Шаги звенят в продрогшей тишине.
Последний путь – замкнулась жизни цепь...
И столько боли в согнутой спине.
И боль не задавить, и не унять —
Письмо пришло о сыне. На крыльце
он обнимал её: «Вернусь я, мать,
Пойми, я не ребёнок, офицер».
Не осознать, за что и почему?
Кто на него навёл немой прицел?
Шагнул сынок навек в глухую тьму,
Оставив мать в морщинах на лице...

В созвездиях вечерних городов...

В созвездиях вечерних городов
На млечных поворотах узких улиц,
В туманностях бульварных островов
(Среди галактик суетных домов)
Гуляют те, что всё-таки рискнули
Очнуться и услышать звук шагов;
В плеядах тротуаров и мостов
Там, где шумит людской гудящий улей,
Найти планету, где живёт любовь,
Ту, что ещё пока не завернули
В обиды оголённых, непонятных
Неосторожных, горько-громких слов...

Холодных слов седые облака

Играет в листьях ветер одинокий.
Слезу роняет крупную роса.
Хвостом взбивают лужицу сороки,
Стрекочут, повторяя адреса
Тех мест, где ждут вестей и где скучают,
Где каждый шорох – звон колоколов,
Где аромат манящий иван-чая
И поле в кружевах из облаков.
Летят, летят трагические строки,
Пока ещё молчание... пока...
Но гонит, гонит ветер одинокий
Холодных слов седые облака.

Перетекают звуки в чашу сердца...

Перетекают звуки в чашу сердца
И наполняют стоном, свистом ветра,
Холодным хрустом луж, трамвайным звоном,
Листвы шуршащей шёпотом зловещим,
Тоскливым скрипом форточки надрывным
И всхлипами подтаявшего снега,
Пронзительным молчанием тягучим
Тот миг, когда по чьей-то злобной воле
(Забыв о том, что столько лет любили)
Решают навсегда остаться двое —
Чужими...

Я пью из чаши осени...

Я пью из чаши осени туманы
Да с дождевою влагой листьев прель,
И серых облаков густой кисель,
Цветов последних вязкий жгучий хмель
И воздух с лёгким привкусом сметаны,
Да поцелуев сок древесно-пряный —
Любви твоей горячей карамель.

Искал седой художник красоту...

Искал седой художник красоту,
Истерзанную шрамами предательств —
Ту, что лепил последнею создатель
Для испытаний горьких. По холсту
Ложились краски. Мастер плакал. Всхлип —
Разнузданность и дерзость падшей девы.
Ещё один – и облик королевы,
И талии волнительный изгиб.
То страсти неуёмной едкий дым,
То скромности губительная нега,
То холодность нетронутого снега —
Мазок творца то нежным был, то злым.
Руками прикасаясь к полотну
Из тысяч лиц по памяти скользящих,
Встречая там чужих, не настоящих,
Пытался уловить её одну,
Найти среди сотен женщин, не звучащих,
Мелодию свою и тишину...

Ты знаешь, сынок, что у мамы на сердце осень...

Ты знаешь, сынок, что у мамы на сердце осень,
Что холодно ей, и под кожей идут дожди?
Она не расскажет, рукой утирая слёзы.
Ни слова упрёка, с улыбкой шепнёт: «Иди!»
Шагнёшь за порог, а она позади украдкой
Молитву прочтёт, перекрестит, зажжёт свечу.
И будет гореть под иконою ночь лампадка,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.